

Глава 1

Как только журналисту из «Бостон глоуб» стало понятно, что из этих двух стариков, составлявших штат «Островного еженедельника», ничего интересного не вытянешь, он посмотрел на часы и прикинул, что успеет — если поторопится — к парому, отплывающему на материк в половине второго. Поблагодарил за время, которое ему уделили, положил на скатерть две купюры, придавил солонкой, чтобы их не унес порыв бриза, и поспешил вниз по каменным ступеням: из внутреннего двора «Серой чайки» к Бэй-стрит и маленькому городку внизу. Что же касается молодой женщины, сидевшей между стариками, то по ходу разговора она — точнее, ее грудь — удостоилась лишь нескольких беглых взглядов гостя.

Едва журналист «Глоуб» отбыл, Винс Тиг перегнулся через стол, вытащил купюры — обе по

пятьдесят долларов — из-под солонки и с выражением глубокого удовлетворения сунул их в накладной карман старого, но вполне пристойного твидового пиджака.

— Что вы делаете? — спросила Стефани Маккэнн. Она знала, как нравилось Винсу шокировать, по его терминологии, «ее юные косточки» (если на то пошло, это нравилось обоим старикам), но на этот раз не смогла сдержать удивления.

— А на что это похоже? — Винс выглядел еще более удовлетворенно. Он погладил клапан кармана, в котором исчезли деньги, и отправил в рот последний кусок сэндвича с лобстером. Потом вытер губы бумажной салфеткой и ловко поймал оставленный журналистом пластиковый нагрудник для поедания лобстеров, когда особенно сильный порыв соленого ветра попытался его унести. Шишковатая от артрита рука казалась гротескной, но проделал он все это весьма проворно.

— Мне кажется, что вы прикарманили деньги, оставленные мистером Хэнретти на оплату нашего ланча, — ответила Стефани.

— Ага, зрение у тебя хорошее, Стефф, — согласился Винс и подмигнул второму старику. Дейв Боуи выглядел ровесником Винса Тига, но на самом деле родился двадцатью пятью годами позже. Все зависит от механизма, который до-

стается тебе по лотерейному билету, говорил по этому поводу Винс. И ты живешь, ремонтируя его по мере необходимости, пока он работает. Винс также утверждал, что даже тем, кто перешагнул вековой рубеж — а он твердо намеревался попасть в их число, — жизнь кажется не длиннее летнего полдня.

— Но *почему*?

— Ты боишься, что я не оплачу счет и повешу его на Хелен? — спросил он.

— Нет... кто такая Хелен?

— Хелен Хафнер, она нас обслуживала. — Винс кивком указал на полноватую женщину лет сорока, собиравшую грязные тарелки со стола на другом конце внутреннего дворика. — Потому что такова политика Джека Муди, который, так уж вышло, владелец этой замечательной едальни, и его отца, если тебе интересно...

— Мне — да, — сказала Стефани.

Дэвид Боуи, проработавший ответственным редактором чуть меньше, чем прожила на свете Хелен Хафнер, наклонился вперед и положил пухлую ладонь на юную и изящную руку Стефани.

— Я знаю, что интересно. И Винс тоже. Поэтому он ходит вокруг да около, чтобы все объяснить.

— Потому что это учеба, — улыбнулась Стефани.

— Совершенно верно, — кивнул Дейв. — И в чем везет старикам вроде нас?

— Вы можете позволить себе учить только тех, кто хочет учиться.

— Точно. — Дейв откинулся на спинку стула. — Именно так. — Он не носил пиджаки — ни классические, ни приталенные, — отдавая предпочтение старому зеленому свитеру. Стоял август, и Стефани полагала, что во внутреннем дворе «Чайки» очень даже тепло, несмотря на дувший с моря ветер, но она знала, что оба старика крайне чувствительны к малейшему похолоданию. В случае Дейва ее это немного удивляло: шестьдесят пять лет и добрых тридцать лишних фунтов. Винс Тиг выглядел на семьдесят (и был вполне подвижным, несмотря на скрюченные артритом руки), но в начале лета ему исполнилось девяносто, и он был худым как щепка. «Фаршированный шнурок» — так называла его (обычно пренебрежительно фыркая) миссис Пиндер, внештатный секретарь «Еженедельника».

— Политика «Серой чайки» такова: официантки несут ответственность за счет, пока он не оплачен, — объяснил Винс. — Джек первым делом предупреждает об этом всех женщин, которые хотят устроиться к нему на работу, чтобы потом они не скулили, приходя со слезами на глазах и утверждая, будто никогда об этом не слышали.

Стефани оглядела внутренний дворик, даже в двадцать минут второго наполовину заполненный посетителями, потом перевела взгляд на обеденный зал, из окон которого открывался прекрасный вид на Лосиную бухту. Почти все столики заняты, и она знала, что со Дня памяти до конца июля очередь в ресторан исчезает только около трех часов дня. Другими словами, управляемый бедлам. И нельзя ожидать, что каждая официантка уследит за всеми своими клиентами, если она едва успевает поворачиваться, разнося подносы с только что сваренными лобстерами и моллюсками...

— Едва ли можно сказать, что это... — Стефани замолчала, задавшись вопросом, а не засмеет ли ее эта парочка, которая издавала свою газету еще в те времена, когда не существовало такого понятия, как минимальная заработная плата.

— Честно? Это слово ты никак не можешь найти? — сухо спросил Дейв и взял сэндвич. Последний на блюде.

«Честно» заканчивалось у него на «а», совсем как «ага», то самое слово, которое означало у янки «да» и «да ну?». Стефани училась в Цинциннати, штат Огайо, и когда приехала на Лосиный остров, чтобы пройти стажировку в «Еженедельнике», поняла, что ближайшее будущее — безнадега, еще слово, рифмующееся с «ага»

в речи жителей Штата Попутного Ветра*. Чему она могла здесь научиться, если понимала одно слово из семи? А если бы продолжила просить их повторить только что сказанное, как скоро они бы решили, что имеют дело с классическим случаем врожденного идиотизма («йдитизма», как сказали бы на Лосином острове)?

Университетская программа стажировки была рассчитана на четыре месяца, но уже на четвертый день Стефани решила вернуться в Цинциннати, когда Дейв отвел ее в сторону и сказал: «Не сдавайся, Стеффи, все придет само». И точно, пришло. Разом, буквально в одночасье, она начала понимать местную речь. Словно чудесным образом лопнули пузыри, которые затыкали ее уши. Она полагала, что не сумеет говорить, как они, даже прожив тут до самой смерти, но понимать? Этой чести она удостоилась, да-да.

— Да, именно его, — согласилась Стефани.

— Такое слово если и присутствует в лексиконе Джека Муди, то используется исключительно для прогноза погоды, — отметил Винс и тем же тоном добавил: — Положи сэндвич, Дэвид Боуи, нельзя тебе больше толстеть. Клянусь, ты уже превратился в хряка.

— Насколько я помню, мы не женаты, — ответил Дейв, отправив в рот очередной кусочек

---

* Штат Попутного Ветра — неофициальное название штата Мэн. — *Здесь и далее примеч. пер.*

сэндвича. — Неужели ты не можешь рассказывать ей, о чем тебе хочется, не цепляя меня?

— Ну не нахал ли? — покачал головой Винс. — И никто не объяснял ему, что нельзя разговаривать с набитым ртом. — Он перекинул руку через спинку стула, и дувший с залитого солнцем океана ветер отбросил со лба тонкие седые волосы. — Стеффи, у Хелен трое детей от шести до двенадцати лет и муж, который от нее сбежал. Она не хочет уезжать с острова и едва сводит концы с концами, работая официанткой в «Серой чайке», потому что лето здесь чуть сытнее скудной зимы. Ты следишь за ходом моих мыслей?

— Да, будьте уверены, — отозвалась Стефани, и в тот самый момент к ним подошла женщина, о которой они говорили. Стефани обратила внимание, что на ней толстые компрессионные колготки, не скрывавшие полностью варикозных вен, а под глазами у нее — темные мешки.

— Винс, Дейв. — Хелен кивнула красотке, чьего имени не знала. — Видела, как удрал ваш приятель. Спешил на паром?

— Точно, — ответил Дейв. — Вдруг вспомнил про неотложное дело в Бостоне.

— Ага. Вы закончили?

— Скоро уходим, — ответил Винс, — но принеси чек, если не затруднит, Хелен. Дети в порядке?

Хелен Хафнер поморщилась:

— На прошлой неделе Джуд вывалился из шалаша на дереве и сломал руку. Как он орал! Напугал до смерти!

Старики переглянулись... и рассмеялись. Быстро опомнились, на их лицах появилось виноватое выражение, Винс посочувствовал, но Хелен это не устроило.

— Мужчины могут смеяться, — устало, язвительно улыбаясь, поделилась она со Стеффани. — Мальчишками они все падали с деревьев и ломали руки и помнят только одно: какими славными они были пиратами. А как мать вставала по ночам, чтобы дать им таблетку аспирина, не помнят. Чек я принесу. — И отошла, шаркая кроссовками со стоптанными задниками.

— Добрая душа. — На лице Дейва еще читался стыд.

— Несомненно, — кивнул Винс, — и если она нас отчитала, так мы того заслуживали. Теперь о нашем ланче, Стеффи. Я не знаю, сколько стоят в Бостоне три сэндвича, один лобстер с моллюсками и четыре стакана ледяного чая, но наш журналист явно забыл, что мы находимся — по экономической терминологии — в «регионе промысла», вот и оставил на столе сотню баксов. Если Хелен принесет нам чек на сумму, превышающую пятьдесят пять, я улыбнусь и расцелую свинью. Следишь за ходом моих мыслей?

— Да, конечно, — кивнула Стефани.

— Для этого парня из «Глоуб» ситуация следующая. Он нацарапает: «Ланч, Серая чайка, Лосиный остров и Нераскрытые тайны» в своей маленькой расходной книжечке, выданной «Бостон глоуб», пока паром будет везти его на материк. Если он честный — напишет сто баксов, а если душа у него вороватая — сто двадцать, а на двадцатку сводит девушку в кино. Уловила?

— Да, — ответила Стефани и укоризненно посмотрела на него, допивая чай. — Думаю, вы слишком циничны.

— Нет, будь я слишком циничен, сказал бы «сто тридцать», можешь не сомневаться. — Последнее вызвало у Дейва короткий смешок. — В любом случае он оставил сотню, то есть на тридцать пять долларов больше, чем следовало, даже с учетом двадцатипроцентных чаевых. А потом я взял его деньги. Когда Хелен принесет чек, я в нем только распишусь, потому что у «Еженедельника» здесь текущий счет.

— И я надеюсь, что вы дадите ей на чай больше двадцати процентов, — вставила Стефани. — С учетом ее ситуации дома.

— В этом ты как раз и ошибаешься, — ответил Винс.

— Ошибаюсь? *Почему?*

Он снисходительно посмотрел на нее:

— А как ты думаешь? Потому что я прижмистый? Как и все янки?

— Нет. В это я больше не верю. Как и в то, что все негры ленивые, а все французы целыми днями думают только о сексе.

— Тогда пораскинь мозгами. Ими Господь тебя не обидел.

Стефани пыталась оправдать доверие. Старрики с интересом наблюдали за ней.

— Она воспримет это как милостыню, — наконец решила Стефани.

Винс и Дейв весело переглянулись.

— Что не так? — спросила Стефани.

— Совсем рядом с ленивыми неграми и сексуальными французами, дорогуша. — Дейв нарочито усилил выговор восточного побережья, растягивая слова. — Только теперь это гордая женщина-янки, которая не примет подачку.

Чувствуя, что забирается в социологические дебри все глубже, Стефани спросила:

— Вы хотите сказать, что примет? Не ради себя — для детей.

— Человек, оплативший наш ланч, — не местный, — напомнил Винс. — С точки зрения Хелен Хафнер, у приезжих деньги просто вываливаются из... из бумажников.

Стефани повеселило, как Винс ради нее неожиданно смягчил высказывание, и она оглядела сначала внутренний дворик, где они сиде-

ли, а потом и обеденный зал, через стеклянные стены. Обнаружила кое-что интересное. Многие — если не все — посетители, сидевшие на ветру, были местными, как и большинство официанток, которые их обслуживали. Обеденный зал оккупировали приезжие с материка, так называемые «летние люди», и обслуживали их более молодые официантки. Более симпатичные и тоже издалека. Нанятые на сезон. Тут Стефани сразу все поняла. Она сильно ошиблась, обратившись к социологии. Ларчик открывался гораздо проще.

— В «Серой чайке» официантки делят чаевые поровну, так? — спросила она. — В этом все дело?

Винс нацелил на нее палец, словно ствол револьвера.

— В яблочко!

— Так что же вы сделаете?

— Сделаю я вот что. Добавлю к счету пятнадцать процентов чаевых, когда буду подписывать чек, а сорок долларов из оставленных этим парнем суну Хелен в карман. Они достанутся только ей, газета не понесет дополнительных расходов, а дядю Сэма не должно волновать то, о чем он не знает.

— Именно так ведет бизнес Америка, — с серьезным видом добавил Дейв.

— И знаешь, что мне особенно нравится? — спросил Винс Тиг, подставив лицо солнечным

лучам. Когда он прищурился, на его коже проступили тысячи морщинок. С ними он все равно не выглядел на свой возраст, но лет на восемьдесят тянул.

— Нет. Что? — заинтересованно спросила Стефани.

— Мне нравится, как деньги ходят кругами, словно одежда в стиралке. Мне нравится за этим наблюдать. И на этот раз, когда машина наконец-то остановится, перестав вращаться, деньги останутся здесь, на Лосином острове, где людям они и впрямь нужны. А что еще лучше, этот городской тип заплатил за наш ланч, но ушел отсюда несолоно хлебавши.

— Даже убежал, — поправил его Дейв. — Спешил на паром, если кто не в курсе. Напомнил мне стихотворение Эдны Сент-Винсент Миллей: «Мы очень устали, мы много смеялись, мы целую ночь на пароме катались». Не совсем точно, но близко.

— Едва ли он смеялся, но до следующей своей остановки наверняка доберется уставшим, — заметил Винс. — Если не ошибаюсь, он упомянул Мадаваску. Может, найдет там какие-то нераскрытые тайны. К примеру, выяснит, почему кому-то хочется там жить. Дейв, поможешь мне.

Стефани верила, что эти два старика могли общаться телепатически, возможно, сами того не подозревая. За три месяца, проведенные на

Лосином острове, она несколько раз становилась тому свидетельницей и теперь видела еще один пример. Официантка возвращалась с чеком в руке. Дейв сидел к ней спиной, но Винс видел, что она приближается, и точно знал, чего хочет издатель «Островного еженедельника». Дейв сунул руку в задний карман, вытащил бумажник, достал две купюры, сложил их и передал Винсу. Хелен подошла мгновением позже. Одной скрюченной рукой Винс взял у нее чек. Другой — сунул купюры в карман фартука.

— Спасибо, дорогая, — поблагодарил он ее.

— Вы точно не хотите десерт? — спросила она. — Могу принести фирменный шоколадно-вишневый торт. В меню его нет, но кусочек я найду.

— Я — пас. Стеффи?

Она покачала головой. Как — с сожалением — и Дейв Боуи.

Хелен одарила (если это подходящее слово) Винсента Тига суровым оценивающим взглядом.

— Немного жирка тебе не помешает, Винс.

— Мы с Дейвом — что Джек Спрэт с женой*, — весело воскликнул Винс.

---

* Джек Спрэт и его жена — персонажи детской народной песенки, вошедшей в сборник «Стихи и песенки Матушки Гусыни».

— Ага. — Хелен посмотрела на Стефани и неожиданно добродушно подмигнула. — Ну и парочку вы себе выбрали, мисси.

— Они хорошие, — ответила Стефани.

— Конечно, и потом вы напрямую отправитесь в «Нью-Йорк таймс». — Хелен собрала грязную посуду, добавила: — Еще вернусь, чтобы окончательно прибраться, — и отчалила.

— Обнаружив сорок долларов в кармане, она догадается, кто их туда положил? — спросила Стефани и вновь оглядела внутренний дворик, где два десятка посетителей пили кофе, ледяной чай, пиво или лакомились не значащимся в меню шоколадно-вишневым тортом. Судя по внешнему виду, не все могли сунуть сорок долларов в карман официантке, но некоторые — вполне.

— Вероятно, да, — кивнул Винс. — Ответь мне на один вопрос, Стеффи.

— Обязательно, если смогу.

— Если она не догадается, станет ли наша сделка из-за этого неправомерной?

— Я не понимаю, что вы...

— Думаю, понимаешь, — оборвал он ее. — Пошли, пора возвращаться в редакцию. Новости не ждут.